

К дискуссии о генплане ¹

Дискуссия по генеральному плану уже развернулась. Мы слушали уже дважды на Малом и на Большом Президиуме Госплана доклад т. Ковалевского о предварительных итогах подготовительных работ по генплану, которые в течение более пяти лет велись комиссией генплана. Затем этот доклад им был сделан также в Госплане РСФСР и на специальном совещании Всероссийского съезда плановых органов. Доклад тов. Ковалевского, выставившего рабочую гипотезу по составлению генерального плана (над которой он продолжает работать) для удобства пользования мы отпечатали на правах рукописи в 500 экземплярах.

Вы знаете, что год тому назад мы опубликовали брошюру тов. Сабовича «СССР через 15 лет».

В Институте экономических исследований Госплана СССР было поставлено обсуждение представленного доклада. Прения, которые имели там место, настолько интересны, что их следует опубликовать, чтобы начать еще более широкое публичное обсуждение этого вопроса, значение которого трудно преувеличить.

Я попробую в беглых штрихах коснуться тех основных моментов, которые уже выявились в самом начале дискуссии. Начнем с методологии. Очень хорошо, что товарищи обращаются к первоисточникам — к Марксу, к Энгельсу и Владимиру Ильичу. Разбираясь в методологии, товарищи прежде всего хотят ответить на такой вопрос: надо ли идти от частного к общему, от анализа конкретной действительности к некоторым обобщениям, или наоборот, т.-е. надо ли идти аналитическим или синтетическим методом. При этом ссылаются на то место из Маркса, в котором он характеризует период «первоначального накопления» в общественных науках. Берется правильная цитата, в которой Маркс, действительно, констатирует, что охват конкретной действительности является гораздо более удачным уже после того, как первоначально накопленная сумма знаний дала возможность опереться на некоторые абстрактные обобщения, с помощью которых дальнейший анализ самой пестрой действительности принимает гораздо более стройную форму. Само построение «Капитала» является блестящей иллюстрацией такого рода метода. Отсюда делается вывод, что

¹ Переработанная стенограмма речи на Всесоюзном совещании плановых и статистических органов СССР (февраль 1930 г.).

при построении планов и генплана, в особенности, надо применять также и аналитический метод. Тов. Ковалевский, например, пробует построить в своей рабочей гипотезе схему обобщающих показателей, оперирование с которыми, по его мнению, дает возможность удобным математическим методом нащупать искомые варианты основных показателей генерального плана.

При этом некоторые товарищи забывают, что над аналитическим и синтетическим методами стоит третий решающий метод — метод диалектического материализма. Диалектический подход к действительности требует, прежде всего, такого проникновения в сущность явлений этой действительности, при котором она выявлялась бы как некоторый процесс, развивающийся «из себя», что, разумеется, возможно лишь в том случае, когда на каждой фазе этой развертывающейся действительности будут наглядны ее конкретные ведущие звенья.

Мне кажется, что те 10—15 лет, в которые мы входим в полосу генерального плана, являются действительностью совсем особого порядка, при том как раз такого порядка, предвосхищение которого является делом величайшей трудности. Это будет, действительно, период развернутых великих работ и решительной социалистической перестройки отношений человека к природе и человека к человеку. Это период своеобразного торжества новейшей техники и своеобразного построения всей живой энергетики. Перед нами, быть может, лишь самые небольшие звенья этой будущей новой действительности. Не равнато ли перехлестывать эту действительность скороспелыми обобщениями и математическими расчетами. Вспомним, прежде всего, то, чему нас учил Владимир Ильич. Кому-кому, а уже ему-то нельзя отказать в одинаковом мастерстве как аналитического расчленения изучаемого предмета, так и в глубоком синтезе, превосходном умении перекрывать частности ясным и ярким обобщением. Тем не менее, вспомните, с какой осторожностью подходил он к выявлению особенностей нашей революционной действительности, с какой настойчивостью он рекомендовал изучать местный опыт и какую умелость особенностей нашей революционной действительности, с какой настойчивостью он рекомендовал изучать местный опыт и какую умелость проявлял в оценке таких звеньев этого опыта, которые на первый взгляд являлись как бы мельчайшими звеньями. Вспомните, например, его известный наказ об организации местных органов, вспомните его статьи о первых субботниках, его замечания о социалистическом соревновании и т. д. Следуя этому примеру, мы заранее должны объявить себя весьма скромными учениками той богатой новым великим творчеством эпохи, в которую мы вступаем. Такого действенного времени человечество еще не переживало. Вот когда мы можем сказать без всяких колебаний: в начале дело, а не слово. Перед нами не просто хозяйственная деятельность, а деятельность хозяйственно-политическая, строительство под знаком обостряющейся борьбы, долженствующей развернуться в борьбу миров. Перед лицом такой действительности

сти странное впечатление производит утверждение, что на основании уже известных звеньев этого строительства возможно перебросить на 10—15 лет вперед некоторые математические мосты. Так ли это? Не опасная ли эта линия? Скажите, чем являются в настоящее время наши тракторы? Что это — скромное орудие, двигатель нового сельского хозяйства, или настоящий социалистический пулемет? Возможно ли в таких условиях несколько пренебрежительное отношение к технике и горделивое заявление, что для коммунистов «экономика важнее всего», как это делают некоторые товарищи?

Будем осторожны: свое место науке и ее обобщениям. Но нажим нам придется сделать на глубокий анализ этой своеобразной действительности, на некоторую переоценку ценностей. Эта переоценка — весьма трудная задача. Сдвиги решающего значения нередко будут начинаться с количественно малых величин и, тем не менее, будут знаменовать рождение нового качества всей нашей хозяйственной обстановки. В свое время, конечно, придет и полнокровный синтез, но разве опыт пятилетки не показывает вам, как мы еще слабы именно в синтетическом охвате действительности. Поближе к этой действительности, чтобы не впасть в пустую схоластику, — занятие самое опасное для экономистов, работающих методом диалектического материализма. Для того, чтобы дорости до необходимого синтеза, нам еще немало придется повариться в соку этой действительности, пройти еще ряд этапов нашего строительства, в котором мы должны будем преодолеть не только сопротивление материальной среды, но и тех пережитков, которые живут в нас самих.

Не упускайте из виду, что и по отношению к нашим планам мы должны соблюдать основной лозунг всей полосы решающей социалистической реконструкции, лозунг борьбы за качество продукции. Требуя высококачественной продукции от всех производственных органов, острие этого требования направим прежде всего на самих себя. Установка на наименьшие потери — одна из основных установок всего нашего строительства — не забудем применить эту установку и по отношению к нашим работам. Приобретено уже немало, а дорога длинная. Нам предстоит всестороннее форсирование плановой работы, и под'ем к генеральному плану — крутой под'ем, с рядом обрывов по сторонам. Давайте крепить наш багаж.

Примерно через год исполнится десять лет нашей плановой работы. Это несомненно, целый исторический этап, представляющий свои уже неотъемлемые достижения и завоевания. Не верьте нытикам, скептически расценивающим и эти достижения, и роль такого органа, каким является Госплан СССР. Не верьте тем, кто склонен недооценивать значения планово-социалистических работ в условиях такой бурной оперативной полосы, которую мы переживаем. Я убежден в том, что еще никогда не было такого благоприятного времени для развернутых парусов плановой работы. Разве вы не замечаете, что в целом ряде наших хозяйственно-политических позиций мы как бы вновь возвращаемся

к постановке тех самых вопросов, которые мы прорекламировали в первый, военно-боевой период Октябрьской революции. Но к этим вопросам мы подходим на этот раз с новыми предпосылками, с новыми шансами успеха. Теперь мы осуществляем то, что на первых порах мы только декретировали. Это не перебои действительности, это ее диалектическое развертывание. Не подлежит сомнению, что в ряде этих позиций, позиции борьбы за план в ближайшие годы должно быть отведено особо почетное место. В этом смысле самые грани между оперативной и плановой работой приобретают все более и более относительное значение.

Мы слышали здесь на съезде заявление товарища из ВСНХ, говорившего, что в Плановый отдел ВСНХ в настоящее время направляются многочисленные делегации рабочих от станка. Товарищ хотел таким путем подчеркнуть некоторую самостоятельность ВСНХ в системе плановых органов. Товарищ может быть уверен, что мы вместе с ним радуемся такой увязке плановой работы с миром трудящихся. Он ошибается только в том отношении, что думает таким путем аргументировать в пользу некоторой экстерриториальности планового органа ВСНХ в системе плановых органов. Он не отдает себе отчета, повидимому, в том, что таким же путем пойдет и работа всей этой системы.

Какой же важнейший вывод отсюда? Да будет этим выводом, прежде всего, то чувство величайшей ответственности, которое должно нас всех охватывать в нашей плановой работе. Мы проводим резкую грань между нашим плановым строительством и всем тем, что делается или предполагается делать в этом направлении за нашим рубежом. Мы знаем, что и «Лига Наций», и энергетические конференции порой как-будто бы пишут на те же темы, на какие пишем мы. Но мы не литераторы и не конкурируем с ними в этом отношении. Мы должны свою работу вести так, чтобы наши планы как бы вырубались из нашей жизни и чтобы мы имели право сказать всему миру, подобно тому, как когда-то сказал поэт, что «кровь есть жидкость особого рода», — что наши планы не литература, а документы, продиктованные нашей творческой действительностью. В особенности это надо иметь в виду по отношению к такому документу, которым должен явиться наш генеральный план.

Не только внутри нашей страны, но и за нашим рубежом начинают по новому считаться и с нашими контрольными цифрами и с нашими перспективными планами. Пятилетка стала таким же непереводаемым словом, как и слово совет; так прямо и пишут на всех языках: пятилетка, советы... Это, товарищи, не только документы нашей борьбы, но и нашей защиты. Значение этих документов нашей борьбы и защиты трудно переоценить.

Никто из нас не сомневается, что наше время не имеет ничего общего с пацифизмом, что мы живем в условиях разгорающейся борьбы. Наша мирная передышка по своей длительности находится в прямой пропорциональности с ростом актива действительных борцов за

социализм, с ростом актива Третьего Интернационала. Не случайно, что спрос на пятилетку, на трактовку тех тем, которые связаны с нею, непрерывно возрастает среди интернационального пролетариата. А ведь именно этот актив борцов за действительное построение социализма один только в силе ломать хищнические зубы акул капиталистического мира. Вот, товарищи, в каком направлении идет наша работа. Вот откуда то чувство ответственности, которым должны быть проникнуты наши плановые работники.

Небезынтересны для нас и отзывы наших врагов. Вот, что, например, пишет орган плутократии «Анналист»: «В самом деле, было очень мало в истории экспериментов, которые бы могли претендовать на такой интерес, как п я т и л е т к а. Неужели, при отсутствии необходимых иностранных кредитов, можно собрать такие внутренние капитальные ресурсы, которые бы могли одолеть столь изумительную программу? Неужели к концу 1933 г. мы увидим Россию самодостаточной промышленной страной? План (1929—30 г.) базируется на предположении, что производство будет постепенно прогрессировать, увеличившись на 21,9% в первый год и на 22,6%, по сравнению с предыдущим годом, в последний. Возможности, создаваемые централизацией всех форм капитала, объединением всех видов экономической деятельности в стране, рационализацией и стандартизацией в невиданных масштабах, очевидны».

Со стандартизацией и рационализацией автору этих строк не повезло, но дело не в этих частностях, а в общем тоне этого заявления. В самом деле, какую позицию могут занять по отношению к нам наши недруги? Известны следующие три приема. Первое, что они хотели бы сделать, это замолчать то, что им неприятно учитывать. Замолчать чисто литературный документ—дело не особой трудности, но замолчать такие документы, которые вытекают из жизненной борьбы целого народа,—не так-то легко. Это легче сделать в том случае, когда данный народ можно, так сказать, снять со счетов.

Монополистический капитализм переживает сейчас не легкое время. С рынками ему становится тесненько; скинуть со счетов такой союз народов, который охватывает одну седьмую часть земной суши,—дело безнадежное. Политику замалчивания приходится отбросить. Тогда остается второй путь — оболгать, оклеветать. Пробовали поработать в этом направлении. Наши планы назывались блефом, бессмыслицей. Их появление объясняли своеобразным безумием, охватившим целую нацию. Но неправдоподобность подобного объяснения слишком бросается в глаза. Тогда остался только тот третий путь, который мы в настоящее время слышим в хоре голосов, аналогичных голосу «Анналиста»: нельзя не признаться, но нельзя и не сознаться. Это—максимальный успех, на который мы можем рассчитывать у наших недругов.

Прочитав вам еще один любопытный документ, сообщенный нам Отделом Печати Амторга. Вот, что нам пишет этот Отдел Печати:

«Книга «Совет Юнион Луск Ахед», превосходно изданная через посредство крупного американского издательства «Хорас-Ливерайт», составлена была на основе первого тома «Пятилетнего плана народно-хозяйственного строительства», выправленного арифметически, а также дополненного статьями о планировании народного хозяйства в СССР и о советско-американской торговле. Книга эта, выпущенная первым изданием в количестве 2.500 экз. для Америки и 500 для Англии, была встречена американскими торгово-промышленными и финансовыми кругами, а также академическим миром чрезвычайно приветливо. Полученные нами сотни писем и появившиеся в печати рецензии говорят за то, что издание пятилетки будет иметь большое положительное влияние на развитие советско-американских хозяйственных связей. Промышленников и рецензентов поразила детальная цифровая разработка пятилетнего плана, который до тех пор они считали лишь общими указаниями. К настоящему времени книга разошлась почти полностью не только в Америке и Англии, но также и в Германии, Австрии и друг. странах. В САСШ книга попала в руки руководителей основных фирм и банков, участвующих в советско-американской торговле, а также виднейших американских политических и хозяйственных деятелей и экономистов».

Приветливую встречу мы оставим на ответственности нашего корреспондента, но что деловой мир Америки должен считаться с возможностями нашего рынка — это верно и это относится к тем противоречиям, которыми переполнен современный капиталистический мир.

У нас, товарищи, тоже есть свои «противоречия»; но есть разница между противоречиями капиталистического мира и нашими противоречиями. Противоречия, охватывающие капиталистический мир, ведут его в тупик, противоречия, на которые наталкиваемся мы, ведут нас вперед. Одно из противоречий капиталистического мира — хищная злоба по отношению к Советскому Союзу и непреодолимое желание использовать рынок этого Союза. Конъюнктура современного капитализма такова, что чистоган сегодняшнего коммерческого расчета нередко превалирует над перспективой. При составлении таких планов, каким должен явиться наш генплан, нельзя упускать из виду и этого момента.

Конечно, товарищи, мы отнюдь не самообольщаемся насчет наших достижений в плановом охвате нашего хозяйства. Наш съезд показывает, что работы его идут под знаком самокритики. И все же мы можем определенно утверждать, что в наших плановых работах нам не приходится учиться у Запада. Обращаю ваше внимание на такой поразительный документ, каким являются работы комиссии Гувера, первый том которых вышел под наименованием: «Новейшие изменения в экономике Соединенных Штатов». Какое поразительное сочетание интереснейших цифр и фактов и наивно-ханжеской трактовки экономических вопросов. Попробуйте перелистать вновь четвертое издание известной книги К. Баллода: «Государство будущего», в которой

этот автор выступает во всем своем фашистском облике и пробует составить генеральный план не то социалистического, не то фашистского преобразования Германии. Каким наивным лепетом кажется нам теперь эта книга.

И так, товарищи, нам приходится быть пионерами: почетное и трудное дело. Мы можем предохранить себя от целого ряда перебоев в нашей работе, если крепче наляжем на рычаг диалектического подхода к нашей хозяйственной действительности. Наш генеральный план должен вырастать из диалектики генеральных линий строительства нашего хозяйства. Он будет реальным планом как раз в меру своего соответствия этой решающей предпосылки всей его компановке.

Сама наша плановая работа в своей совокупности представляет своеобразный диалектический процесс. Как мы начали? Мы начали с генерального плана, с плана ГОЭЛРО. По обстоятельствам времени мы должны были перейти как бы к партизанской плановой работе на отдельных хозяйственных фронтах: этого требовала борьба с разрухой, наступившей в послевоенный период. Через несколько лет такой работы мы приступили к составлению первых опытов по контрольным цифрам. Лишь пятилетняя работа над контрольными цифрами приблизила нас к некоторому стандарту в этом отношении. Базируясь на опыте контрольных цифр, мы приступили к компановке пятилетнего плана. Профиль плана нам удался, но до стандарта мы еще далеки.

Переход к генеральному плану является, таким образом, естественным очередным этапом. К этому этапу нас неудержимо толкают обстоятельства нашего действительного хозяйственного строительства. Масштабы этого строительства таковы, что мы уже не можем укладываться по самому их размеру ни в пределах контрольных цифр, ни в пределах пятилетних планов. В самом деле, возьмем хотя бы строительство нынешнего Днепровского комбината, охватывающего и проблему Нижнего Днепра, и сопоставим его с теми наметками, которые связывались с Днепровской гидроэлектрической станцией в плане ГОЭЛРО. Не ясен ли колоссальный прирост масштаба строительства?

Самый масштаб заданий строительства Днепровского комбината теперь уже таков, что он перерастает рамки пятилетия. Его народно-хозяйственная оценка никак не укладывается в рамки пятилетнего плана и возможна только в перспективе плана генерального.

Берем другую важнейшую проблему нашего строительства. Возьмем транспортное строительство в его целом. Если сопоставить возможные перспективы нашего грузооборота применительно к конкретным географическим данным нашей страны — с грузооборотом САСШ, то без особых трудностей можно доказать, что перспективно перед нашим транспортом стоит задача гораздо более грандиозная, чем перед транспортом САСШ. Отсюда колоссальная программа и строительства, и рационализации транспорта, взвесить которую в рамках пятилетнего плана совершенно невозможно.

Случайно или не случайно, такие районы, как Сибкрай, Закавказье, Нижняя Волга, Урал имеют уже свои черновые эскизные проекты генерального плана. Не случайно: большому кораблю большое и плавание. Масштаб экономики наших крупнейших районов таков, что в рамках пятилетнего плана ему явным образом тесно.

К тому же самому вопросу мы можем подойти и с несколько иной стороны. На наших плановых съездах мы как-будто бы прочно установили три оси, три основных стержня нашего планирования: контрольные цифры, пятилетка и генеральный план. Чему учит наш опыт? Имеем ли мы какие-нибудь основания для отказа от этой основной схемы? Мне кажется, что никаких оснований налицо не имеется. В этих осях планирования мы имеем как бы три оси координат, ориентируясь по которым, мы находим для всей плановой системы в целом такое выявление, которое делает ее мощной основой всей нашей хозяйственной практики. Каждая из этих координат разворачивает перед нами свои счета, каждая из них имеет свои цифры — показатели, свои балансовые счета, свои «допуски» погрешностей. Потрудитесь сосчитываться во всех этих направлениях, и тогда вы действительно сумеете находить такое оформление наших хозяйственных планов в пространстве и времени, которое соответствует нашим объективным нуждам. Мы видим, таким образом, что и с этой стороны мы, так сказать, прижаты к работам по составлению генерального плана.

Сомневается ли кто-нибудь из нас, что наша пятилетка была как бы преддверием к компановке генерального плана, что наличность такого генерального плана могла бы придать и для работ по пятилетке такой плюс, который избавил бы нас от многих ее нынешних недочетов, от той лихорадочной, ударной работы, к которой мы вынуждены в настоящее время прибегать именно в силу дефектов нашей пятилетки. Наконец, последнее соображение: что вытекает из лозунга «пятилетка — в четыре года»? Выполнение этого лозунга означает, что 1931/32 г. явится конечным годом нашей пятилетки. В таком случае к составлению новой пятилетки мы должны приступить уже в 1930/31 г. Если эта новая пятилетка не будет подкреплена хотя бы эскизным проектом генерального плана, то ее дефекты будут еще больше, чем дефекты нынешней пятилетки. Это совершенно ясно, если поразмыслить, как быстро растет объем тех статей, которыми мы охватываем наш пятилетний перспективный план, как усложняется все наше хозяйственное строительство все новыми и новыми законными заданиями. А так как работы по генеральному плану, в виду грандиозности этого плана, займут не менее двух лет, то отсюда вывод — приступить к работам по этому плану мы должны немедленно, т. е. уже в текущем 1929/30 г. Вот те немногие замечания, которые, с моей точки зрения, достаточны, чтобы охарактеризовать всю актуальность работ по генеральному плану.

Тов. Ковалевский считает, что в этом сочетании работ по пятилетке с работами по генеральному плану — методологически это выпол-

не оправдывается — необходимо опереться на нашу старую пятилетку. Но, тем самым, он предлагает влить вино новое в мехи старые. Операция смелая, но состояние этих старых мехов таково, что едва ли в данном случае это будет целесообразно. Лучше проиграть несколько во времени, но выиграть в качестве. А это качество, мне кажется, будет обеспечено лишь в том случае, когда мы работы по генплану свяжем уже с новой пятилеткой.

Ответственность задачи требует особой осторожности. Что такое генеральный план такого строительства, каким является наше строительство? Владимир Ильич называл наш первый генеральный план второй программой партии. Если это было справедливо по отношению к плану ГОЭЛРО, то тем более, будет справедливо к наметкам нового генплана, который мы будем выполнять громадным коллективом по тем же ленинским вехам для решающего по своему историческому значению отрезка классовых боев пролетариата с его противниками. Такой план — ведущее начало для многих миллионов борцов. Он должен явиться генеральным заданием для передового отряда интернационального пролетариата, на плечи которого выпала великая нагрузка этих решающих боев. Можно ли такой план писать, что называется, «легким» пером? Не думаю. Может ли явиться такой план результатом некоторой легкой игры ума? Не забудьте, что этот план, примерно, охватывает решающий участок того переходного времени из царства необходимости в царство свободы, который нам предстоит пройти до первых этапов коммунизма. Не ясно ли, что для этого периода наша свобода продолжает быть ограниченной пределами познания известной необходимости. Свободная игра ума может быть весьма занимательна и остроумна, но правильно сказано, что голое остроумие — это чихание ума. А знаете, товарищи, такое чихание в плане до добра нас не доведет. На первый раз нам могут сказать — «здравствуйте», но при повторении уже наверно скажут — «на всякое чихание не наздравствуешься». Нет сомнений, что нам нужны пламенные борцы, нужны люди решительные, люди горячего темперамента. Но люди горячего темперамента весьма легко простуживаются. Вот вам небольшое предостережение, товарищи.

Как же при всем том нам быть, товарищи?

Трудность составления генплана на переходный период настолько велика, что правильно утверждение, по которому нет такого гениального ума, единоличным размахом которого можно было бы разрешить эту труднейшую из трудных задач. Однако, своеобразие нашего времени и наших дел таково, что в нем мы делаем ставку не на гениев, а на коллектив. То, что невозможно любому гению, то может оказаться возможным для достаточно мощного коллектива.

О необходимости немедленно приступить на другой день после социального переворота к составлению единого хозяйственного плана достаточно выразительно говорили и Маркс, и Энгельс. Однако, теперь, перечитывая вновь и вновь знакомые места этих основополож-

ников научного социализма, открываешь в этих строках нечто новое. Послушайте, например, следующую тираду из «Гражданской войны во Франции» К. Маркса и скажите — не говорит ли она теперь вам более, чем говорила раньше? Говоря о нападках идеологов буржуазии на первых коммунаров-повстанцев 1870 г., Маркс пишет:

«Однако, нашлись же среди господствующих классов люди — и их не мало — которые поняли, что настоящее положение вещей не может долго существовать; они стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. А если кооперативное производство — не звук пустой и не обман, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если ассоциации организуют национальное производство по общему плану, возьмут его в свое заведывание и этим прекратят постоянную анархию и периодические конвульсии — неизбежные при капиталистическом производстве — не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, «возможным» коммунизмом?».

Посмотрите, как отчетливо здесь связан коммунизм с тем строем цивилизованных кооператоров, о котором нам говорил т. Ленин, и как определенно подчеркнута, что национальное производство будет организовано по общему плану ассоциациями производителей. Не ясно ли вам, что те установки, которые недавно вам приходилось слышать здесь же относительно своеобразной, сложной кооперации плановых и оперативных хозяйственных органов, являются безоговорочно марксистскими. Да, многое из того, что нам приходится сейчас говорить, является уже сказанным. Вот, например, что писал Энгельс в своем письме Конраду Шмидту в июне 1891 года: «Ваш план — переходные этапы к коммунистическому обществу — стоит того, чтобы над ним подумать. Но я вам посоветую выполнить его только в результате продолжительной работы. Это труднейший материал из всех существующих, потому что условия постоянно меняются. Каждый новый трест, например, изменяет их, и пункты для атак совершенно меняются даже в течение десятилетий».

А ведь 1891 г. был как раз кануном такого развертывания потенции электротехники, всю мощность которого мы можем оценить лишь в настоящее время. Именно, на электрической основе начались те сдвиги технологических процессов, в самых основах физико-химического познания материальной среды, революционное значение которых трудно переоценить. В этом смысле позиция наших атак еще более подвижна, чем в те времена, в которые писал эти строки Фридрих Энгельс. Нам прямо следует сказать, что в нашем генеральном плане нам придется идти сознательно на некоторый «недорисованный портрет». Дорисован он будет на этот раз, конечно, не веками, а некоторым рядом лет, но этот ряд лет, во всяком случае, будет рядом изрядного характера.

Наш генеральный план — так прямо и скажем — лишь некоторый экскурс для синтетического охвата важнейших генеральных линий на-

шего строительства и только. А товарищам до последней степени хочется получить, насколько я могу судить по уже развернувшейся дискуссии, готовую модель первых этапов коммунистического общества в СССР. Некоторые товарищи, например, прямо так и утверждают, что технические установки в таком плане — вещь, так сказать, малозначащая, что генплан апеллирует к планированию высшего порядка, и этот высший порядок они характеризуют, между прочим, тем, что настаивают на необходимости заглянуть в утопистов и кое-что у них позаимствовать. Позвольте сказать вам, товарищи, что с моей точки зрения подобное заигрывание с утопистами до добра довести не может. Как вы думаете, к кому должны мы обращаться при работах по генплану как к высшему судье? Я думаю, что таким арбитром может быть лишь авангард нашего революционного пролетарского интернационала. Что же может потребовать от нас в этой работе авангард рабочего класса по своей пролетарской совести? Думаю, что он не спросит с нас большего, чем рабочий класс Франции семидесятых годов спрашивал от своих коммунаров. А это, в свою очередь, прекрасно развито Марксом в той же его блестящей работе, посвященной первой коммуне. Вот какие выразительные строки писал на эту тему Карл Маркс: «Рабочий класс не требовал чудес от Коммун. Он не думает осуществлять посредством народного решения готовых и законченных утопий. Он знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей, и обстоятельства. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах разрушающегося буржуазного общества».

Думаю, что эти строки должны быть написаны крупным шрифтом, как эпитафия нашего генплана. Они должны предохранить нас от опрометчивой адресовки к утопистам и от случайностей, приводящих к выдаче своего рода фальшивых векселей. Ограничив свою задачу рамками такого постулата Маркса, мы можем обеспечить себе тот здоровый минимум генплана, который является вполне для нас сильным.

Позволю себе при этом оговориться — это не значит, что мы в нашем генплане можем освободиться от того «загадка», о котором в свое время говорил Владимир Ильич. Но, если такой загад и необходим, то ошибки по его линии и неизбежны, и простительны. Зато непростительны будут те ошибки, которые мы будем делать в анализе потенциальных ресурсов, имеющих уже налично, в силу всей предшествовавшей стадии капиталистической хозяйственной эпохи. В этом разрезе и может, и должен быть дан чеканно твердый рисунок высвобождения на социалистический простор тех сил, которые уже созрели

в недрах капиталистического общества, с особенной зоркостью должны быть выделены те элементы в этих силах, качество и порядок величин которых находятся в явном антагонизме с частно-хозяйственным укладом. Это, и только именно это, мне здесь хотелось бы подчеркнуть.

Обращусь теперь непосредственно к концепциям, развитым товарищами Ковалевским и Сабсовичем. Нам, прежде всего, приходится выразить им благодарность за те рабочие гипотезы генплана, которые развиты ими каждым по своему. Эти смелые пионеры дали нам благодарнейший материал для дискуссии. Работы их — весьма полезный почин, но и только. Вспомните книжку т. Сабсовича «СССР через 15 лет». Читаешь эту книжку, и сердце радуется. Местами попадает в плен и рассудок, а разум — нет. Горячо и убедительно пишет тов. Сабсович, говорит конкретным языком, не любит абстракций, взятых самих по себе, и тем не менее, в общем и целом, какой абстрактный подход к трактовке генплана. Вот перед нами картина работ одного 1942/43 хозяйств. года, вполне конкретная картина, если не вдаваться в методологию всей этой работы по существу (Сабсович: Я уже отказываюсь — колоссально преуменьшил). И он утверждает, что он колоссально преуменьшил. Мы, — говорит он, — в 1942/43 г. развернем такое строительство, которое будет равно по своей мощности 240 Магнитостроям, при чем по одному электростроительству мы дадим за этот один год 48 Днепростроев. Вот каков этот преуменьшенный рисунок. Ну, как же тут не сказать, что тов. Сабсович весьма смелый мужчина. И все же, тов. Сабсович, я должен вам сказать, что вы не убедили мой разум в достоверности такой ставки. (Сабсович: Через 2 года убедитесь). Нет, по-моему причина такой неубедительности в неправильной методологии всего построения, в технико-экономической необоснованности ваших экстраполяций.

Тов. Ковалевский дерзает повысить ставки (и его лавры уже, очевидно, изрядно беспокоят т. Сабсовича). Вот какие прикидки он нам дает. Покончив с пятилеткой в 4 года, он включает ее в генеральный план, в качестве первого этапа; весь генплан он намечает на период 12—15 лет от начала первой пятилетки. По его подсчетам выходит, что наша продукция в 1937 г. будет, примерно, в 2 раза выше современной продукции САСШ, при чем в 1939/40 г. наши производственные фонды уже превзойдут фонды САСШ: 750 млрд. руб. против 705 млрд. руб. На двадцать шестом году пролетарской революции мы будем иметь более чем ушестеренную американскую продукцию при двойных, по сравнению с САСШ, фондах.

Насколько убедительны все эти расчеты? Подводит ли к ним т. Ковалевский таким путем, что значительная часть сомнений отпадает. Ведет ли он свои расчеты таким образом, что одно хозяйственное звено цепляется за другое и что один хозяйственный этап вытекает из предыдущего вследствие его диалектически правильного развертывания. Вот этого-то как раз и нет, а это и лишает выкладки

тов. Ковалевского той убедительности, на которую он рассчитывал. Особенно это резко бросается в глаза, если мы возьмем первый этап расчетов т. Ковалевского, ближайший к нам по времени отрезок. Он утверждает, что к началу шестнадцатого года революции, к 1932/33 г. мы будем иметь, примерно, 50% теперешней американской продукции. Запомним эту ставку и в дальнейшем анализе вернемся к ней для того, чтобы показать, насколько она является рискованной.

Однако, не все те упреки, которые приходится слышать по адресу т. Ковалевского, являются обоснованными. Некоторые товарищи утверждают, что т. Ковалевский сосредоточился на технической стороне генплана, игнорируя его экономику. Такое утверждение несправедливо вдвойне. Техничко-экономический анализ плана, наоборот, пока как раз самая слабая сторона в работе т. Ковалевского. По этому технико-экономическому анализу, на мой взгляд, он лишь скользнул математическим галопом. Математика частенько нам дает возможность переброски мостов через те провалы, которые существуют в нашем положительном знании. Однако, от математической истины до математического парадокса — только один шаг. Недаром учение о корреляции играет такую большую роль, когда мы пытаемся воспользоваться математическими приемами, как практически годным рычагом. Перебрасывать же спасительные мосты через провалы в нашем познании окружающей нас исключительной действительности, той действительности, которая на наших глазах превращает мелкое и мельчайшее в великое и движущее, — занятие вдвойне рискованное.

По аргументации товарищей, упрекающих т. Ковалевского в переоценке фактора техники, мелькают прямые подчеркивания, что для нас, коммунистов, на первом месте должна стоять экономика. Выходит так, что техника, с одной стороны, экономика — с другой, или — или. Другого не полагается. Так ли это на самом деле? Для того, чтобы не быть голословным, приведу здесь обстоятельную цитату на эту тему из письма Энгельса к Штаркенбургу. Думаю, что в виду ее исключительного интереса — вы не посетуете на меня за ее длину. Вот что писал Энгельс в 1894 г.:

«Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющей основой истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят все, что требуется для поддержки их жизни и как они это произведенное обменивают (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит вся техника производства и транспорта. Эта техника, согласно нашему мнению, определяет также и способ обмена, затем распределение продуктов, а, следовательно, после разложения родового строя, также и разделение на классы, а, следовательно, отношения господства и подчинения, а, следовательно, государство, политику, право и т. д. В понятие экономических отношений включается и географическая основа, на которой эти отношения возникают и существуют, и перешедшие в действительности от прошлого остатки прежних экономических

эпох, которые продолжают сохраняться или по традиции, или в силу инерции, а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму.

Если, как вы утверждаете, техника в значительной степени (по большей части) зависит от состояния науки, то обратно — наука гораздо больше зависит от состояния и потребностей техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это оказывает науке гораздо больше помощи, чем десять университетов. Вся гидростатика (Торричелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII в.в. Об электричестве мы стали знать кое-что разумное только с тех пор, когда открыта была техническая применимость его. В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как-будто бы науки свалились с неба».

Мне кажется, что здесь относительно взаимоотношений техники и экономики сказано с такой определенностью, что дальнейших комментариев не требуется. В нашей работе техника и экономика должны быть спаяны единством, а это единство делает технико-экономический анализ как раз решающим анализом и как раз в этом пункте тов. Ковалевский пока не дал того, что он мог дать. (К о в а л е в с к и й: Это у меня еще впереди, доложены только первые главы). Не забывайте, т. Ковалевский, что рабочие гипотезы генплана в нашем понимании не первые главы, а синтез синтезов.

Вытекает ли из моих слов, что в развертывании генплана я предлагаю вам ограничиться, так сказать, технологическим рисунком. Конечно, нет. Конечно, нет никакой возможности отрывать общественные отношения от их технологической базы. Но я хотел бы здесь подчеркнуть, что наше положение далеко не равноценное в том случае, когда мы пытаемся дать некоторое развертывание этой технологической базе, и в том случае, когда мы сосредоточиваем свою мысль на диалектике общественных отношений. В первом случае под нами совершенно твердая почва. В наших руках великолепные документы прошлого и настоящего, те документы, которые вручены нам зенитами достижений капиталистической практики. Но как только мы переходим к общественной надстройке, нам приходится переходить немедленно из положения учителей в положение учащихся.

Мне кажется, что по временам у нас проскальзывает до некоторой степени народническое отношение к рабочему классу. Между тем, мы должны отчетливо сознавать, что в целом ряде направлений мы идем к этому рабочему классу именно, как учителя. Вспомните, например, как вел себя Владимир Ильич на заре нашей партийной работы в борьбе с меньшевиками всех разновидностей, с узкими «экономистами» того времени, с различными разновидностями махаевцев. Вспомните, с какой решительностью он настаивал на том, что мы не можем предоставить рабочий класс самотеку, что этот самотек легко впадает в фарватер узкой цеховщины и тред-юнионизма. Образовы-

вая нашу партию, мы шли в рабочий класс в целях пропитания его сознания началами научного социализма, шли как учителя, и не ошиблись в своих расчетах. Мы на деле доказали, что именно таким путем кует свою политическую партию пролетариат. Этого урока из нашего прошлого мы никогда не должны упускать из виду. И тем не менее — мы не только учителя, но мы и выученики. И очень многому мы учимся у нашего же рабочего класса.

Коммунизм есть советская власть плюс электрификация. Понимая под электрификацией развертывание энергетического хозяйства в его целом, мы многому и многому можем научить пролетариат, научить как раз в этом энергетическом разрезе нашей работы. Но как только мы переходим к трактовке тех трансформаций нашей общественной среды, которые связаны с подъемом всего комплекса общественных отношений, покрываемых понятием советская власть, из положения учителей мы немедленно переходим в положение скромных учеников. Здесь нам приходится учиться и переучиваться, руководствуясь великим опытом нашего трудового коллектива. Весь успех компановки плана — в отсутствии разрыва в этом месте, в создании как раз здесь возможно полного диалектического единства. Как раз здесь наибольшие трудности, преодоление которых может быть только относительным. Как раз здесь еще нет и не может быть, так называемой, научной уверенности, как раз здесь место тому ленинскому «загаду», о котором он в свое время говорил. Но отсюда же — и та особая роль, которая выпадает во всем нашем генплане учению энергетике.

(Продолжение следует)